

АРТУР ШОПЕНГАУЭР

*Афоризмы
житейской мудрости*

ПАЛ Ы МИ РА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 4

УДК 17
ББК 87.70
Ш79

Перевел с немецкого Ю. И. Айхенвальд

Шопенгауэр А.

Ш79 Афоризмы житейской мудрости / Артур Шопенгауэр ; [пер. с нем. Ю. Айхенвальда]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2024. — 252 с. — (Серия «Пальмира — классика»).

ISBN 978-5-517-10860-9

«Афоризмы житейской мудрости» — один из разделов первого тома сборника «Parerga und Paralipomena» («Дополнения и пропуски», 1851) выдающегося немецкого философа Артура Шопенгауэра (1788–1860). Это своего рода эвдемонистический трактат — руководство к «искусству провести свою жизнь возможно приятнее и счастливее». Во введении пессимист Шопенгауэр пишет, что его философия отрицает соответствие человеческой жизни понятию о счастливом существовании — таком, которое можно было бы предпочесть небытию. Шопенгауэр вынужден пойти на компромисс и посмотреть на счастье не с высшей, метафизико-этической, а с обычной, эмпирической точки зрения. Результатом этого философского компромисса и стала настоящая книга — «наставление в счастливом существовании», написанное человеком, убежденным, что такое существование невозможно.

УДК 17
ББК 87.70

ISBN 978-5-517-10860-9

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии»,
ООО Группа компаний «РИПОЛ классик», 2024

Счастье вещь нелегкая: его очень трудно
найти внутри себя и невозможно найти
где-либо в ином месте.

Шамфор

ВВЕДЕНИЕ

Понятие житейской мудрости имеет здесь вполне имманентное значение, — именно в смысле искусства провести свою жизнь возможно приятнее и счастливее, искусства, руководство к которому можно было бы назвать также эвдемологией: это будет, следовательно, наставление в счастливом существовании. А это последнее опять-таки вполне можно было бы определить как такое существование, которое при чисто объективном рассмотрении или, вернее (так как здесь дело идет о субъективном суждении), при холодном и зрелом размышлении заслуживало бы решительного предпочтения перед небытием. Такое понятие о счастливой жизни показывает, что мы держимся за нее ради нее самой, а не просто из страха перед смертью; отсюда же следует, далее, что мы желали бы, чтобы она длилась вечно. Возникает вопрос, соответствует ли человеческая жизнь понятию о таком существовании, да и вообще может ли она ему соответствовать; моя философия, как известно, отвечает на этот вопрос отрицательно, тогда как эвдемология предполагает положительный ответ на него. Ведь она исходит как раз из того врожденного заблуждения, разбор которого начинается 49-й главой, в томе II моего главного произведения. Поэтому, если я все-таки принимаюсь за такого рода сочинение, мне надлежит совершенно покинуть ту высшую, метафизико-этическую точку зрения,

к которой, собственно, должна вести вся моя философия. Все, следовательно, приводимые здесь рассуждения основаны до известной степени на компромиссе, — именно поскольку в них удержана обычная, эмпирическая точка зрения и сохранено ее коренное заблуждение. Таким образом, и ценность этого трактата может быть лишь условной, так как само слово «эвдемонология» представляет собою не более как эвфемизм. Он нисколько не притязает также и на полноту: с одной стороны, сама тема неисчерпаема, а с другой — в противном случае мне пришлось бы повторять уже сказанное другими.

Я могу припомнить только одно сочинение, написанное с подобной же целью, как предлагаемые афоризмы, а именно весьма поучительную книгу *Кардано* «О пользе, какую можно извлечь из несчастий» («*De utilitate ex adversis capienda*»), которой и можно пополнить то, что дано мною. Правда, и *Аристотель* вставил краткую эвдемологию в 5-ю главу первой книги своей «Риторики»; она вышла у него, однако, очень пресной. Я не воспользовался трудами своих предшественников, так как компилирование не моя специальность, тем более что при нем утрачивается единство точки зрения, это главное условие для подобного рода произведений. В общем, конечно, мудрецы всех времен постоянно говорили одно и то же, «а глупцы, всегда составлявшие огромное большинство, постоянно одно и то же делали, — как раз противоположное; так будет продолжаться и впредь. Вот почему *Вольтер* говорит: «*Nous laisserons ce monde aussi sot et aussi méchant que nous l'avons trouvé en y arrivant*». («Мы оставим этот мир столь же глупым и столь же злым, каким застали его».)

Глава I

ОСНОВНЫЕ ОТДЕЛЫ

Аристотель (Никомахова этика, I, 8) разделяет блага человеческой жизни на три класса — блага внешние, блага душевные и блага телесные. Я со своей стороны сохраняю от этой классификации только ее трехчленность: то, от чего зависит разница в жребии смертных, может быть, на мой взгляд, сведено к трем основным пунктам. Вот они:

1) Что *есть* индивид — то есть личность в самом широком смысле слова. Сюда относятся, следовательно, здоровье, сила, красота, темперамент, нравственный характер, ум и его развитие.

2) Что *имеет* индивид — то есть всякого рода собственность и владение.

3) Чем индивид *представляется*. Под этим выражением, как известно, понимают, каков он в представлении других, то есть, собственно, как они себе его *представляют*. Таким образом, здесь мы имеем дело с их мнением о нем, которое проявляется в тройкой форме — как честь, ранг и слава.

Рассмотрению под первой рубрикой подлежат те различия, которые провела между людьми сама природа. Уже отсюда можно понять, что их влияние на людское счастье и несчастье должно быть гораздо более существенным и решительным, чем то, какое может принадлежать указанным в двух остальных рубриках разграничениям, которые

обусловлены просто человеческими определениями. Перед *подлинными личными преимуществами*, великим умом или великим сердцем, все преимущества ранга, рождения, хотя бы даже королевского, богатства и т. п. — то же самое, что театральные цари перед настоящими. Уже *Метродор*, первый ученик Эпикура, назвал одну из своих глав: «*Peri tou meizona einae ten pa'emas aetian pros eudaemonian tes ec ton pragmaton*»¹. И вообще, очевидно, благосостояние человека, да и весь характер его существования, главным образом зависит от того, что в нем самом имеет постоянное или преходящее значение. Ведь в этом заключается непосредственно его внутреннее довольство и недовольство, которые прежде всего являются результатом его чувствования, воления и мышления; все же внешнее влияет на его самочувствие лишь косвенным путем. Вот почему одни и те же внешние происшествия и отношения отзываются на каждом человеке совершенно различно, и при одной и той же обстановке каждый все-таки живет в своем особом мире. Ибо всякий человек непосредственно сознает только свои собственные представления, чувства и волевые движения: внешние вещи влияют на него лишь постольку, поскольку они дают повод для этих психических состояний. Мир, в котором живет каждый из нас, прежде всего зависит от того, как мы его себе представляем, — он принимает различный вид, смотря по индивидуальным особенностям психики: для одних он оказывается бедным, пустым и пошлым, для других — богатым, полным интереса и смысла. Когда, например, кто-нибудь завидует интересным приключениям, встретившимся в жизни другого лица, надлежало бы скорее завидовать тому дару понимания, в силу которого приключения эти получают значительность, какую они имеют в описании испытавшего их: ведь одно и то же происшествие, представляющееся столь интересным для высоко-

¹ «О том, что в нас лежащая причина для счастья важнее той, которая обусловлена обстоятельствами» (греч.).